

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

КРУШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИЛЛЮЗИИ

К 130-летию со дня рождения Александра Блока

Ровно сто лет тому назад, осенью 1910 года, Александр Блок написал стихотворение “Комета”.

*Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь все тем же гласом
Стальным и ровным — поезда!*

*Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!*

*Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полет — стада стальных стрекоз!*

*Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смыкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!*

В ту дальнюю осень весь мир с ужасом и восторгом следил за ее орбитой. Астрономы, поэты, политики, прорицатели, журналисты, чревоушатели гадали — столкнется комета с Землей или нет, и если близок космический

апокалипсис, то в ожидании последних времен – не лучше ли, как говорят сегодня, “оторваться по полной” и, хлопнув дверью на всю вселенную, поставить жирную точку в конце земной истории?

Так называемый цивилизованный мир в начале XX века делал первые шаги в глобальное общество потребления. Девиз “хлеба и зрелищ” витал над Европой, высосавшей столько жизненных соков из колоний, что она уверовала в свое материалистическое могущество, подкрепленное небывалым количеством научных открытий, уверовала настолько, что бросила вызов не просто комете Галлея, но судьбе, Творцу и всем заповедям всех великих мировых религий.

В греховной гордыне обезумевший от своей мощи продвинутый мир в тот исторический момент напоминал человечеству картины жизни перед Всемирным потопом, или в дни возведения Вавилонской башни, или в момент расцвета Содома и Гоморры. Чувство этого греховного самодовольства осенью 1910 года захлестнуло душу гениального декадента Александра Блока, влюбленного в темное заклинание из “Пира во время чумы”:

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.*

Он забывал, что слова эти принадлежат не Пушкину, а существу с нечеловеческим именем Вальсингам.

Его “гибельный восторг” был настолько велик, что в коротком и блистательном стихотворении, в четырех строфах он поставил аж восемь восклицательных знаков!

Соблазненный фаустовским пафосом, помноженным на деяния действительно могущественного рода людского, поэт впал в соблазн, и поэтому его стихотворение звучало как вызов Высшей Воле и как гимн человеческому беспределу.

*Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда! —*

воскликнул он и отвечал на вызов небес с мифистофельской надменностью: “но наши девы по атласам выводят шелком миру: да!”, а наши поезда “будят ночь” “стальным и ровным гласом”, а наши великие мировые столицы “Берлин, и Лондон, и Париж” танцуют “матчиш” и канкан и плевали они на угрозы свыше, и “стада стальных стрекоз” взлетают в твое бесчеловечное небо” через “Симплон, моря, пустыни”. А человечество настолько богоподобно, что изобрело какой-то “бензол”, который “приносит исцеленье” от всех болезней.

В гробу, мол, мы видели все твои грозные небесные знамения. Мы “герои”, поэты, сверхчеловеки. И нам не страшна гибель, “пока безумствует” наша Люциферова мечта, презирающая твои небесные знамения... Наш мир, “раскинувший павлиний хвост”, вечен! Впрочем, все эти чувства естественно возникали на фоне мощнейших политических доктрин эпохи – от Коммунистического манифеста до “Протоколов сионских мудрецов”, от первых резолюций сионистских конгрессов до первых зачатков расовой мифологии, от ницшеанского вопля “Бог умер!..”, отозвавшегося эхом в горьковском афоризме “человек – это звучит гордо!”...

И вот прошло сто лет. Вместо “матчиша” чувствами завладел рок-н-ролл, вместо универсального исцеляющего все болезни “бензола” мы рекламируем стволовые клетки, обещающие нам бессмертие. “Наши поезда” типа “Сапсан” окончательно опутали земной шар стальной паутиной, а о “стадах стальных стрекоз”, гудящих в обезбоженном небе, и говорить нечего. “Буйство грез” продолжается. И хотя взамен кометы Галлея, промахнувшейся тогда мимо Земли, сдвигается земная кора в Индийском и Атлантическом океанах, вскипают нефтяные фонтаны в Мексиканском заливе, на глазах теряет свою животворную силу Гольфстрим, небывалые пожары, наводнения то там, то здесь предупреждают человечество: “Остановись!” Но все равно “мечта безумствует”, “буйство грез” не унимается, “павлиний хвост” – распушен по всем параллелям и меридианам, рекламы всего мира – а не только “Парижа, Берли-

на и Лондона” – сделали смешной лермонтовскую строчку “спит земля в сиянье голубом”, а чрева стальных стрекоз переполнены “героями” в лице миллионеров и миллиардеров, не страшщихся ни Бога, ни черта, под “Симплом” прорыт новый туннель для облегчения всемирного шопинга, в глубинах Альпийских гор проложен коллаيدر, похожий то ли на громадную гусеницу, то ли на библейского ветхозаветного змея, а наши девы в Куршевеле, на Лазурном берегу и на Канарах, уже ничего не вышивая шелком, а танцуя на столах, кричат миру “да!”.

Но великий поэт тем и велик, что рано или поздно для него все темное, страстное и загадочное становится истинным и явным, потому что после великих заблуждений к нему приходят не менее великое прозрение и раскаяние. . .

Буквально через месяц после стихов о комете, в которых поэт отдал дань князю мира сего, опомнившись, он пишет о бездушной “стальной стрекозе”:

*В неуверенном зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис,
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.*

*Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О стальная, бесстрашная птица,
Чем ты можешь прославить творца?*

*В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.*

А еще через два года, узнав о гибели символа всей этой цивилизации, величественного “Титаника”, он напишет в дневнике слова, полные страшно-го и почти бесчеловечного прозрения:

“Слава Богу, есть еще океан. . .”

И никаких восклицательных знаков.

А еще через два года после плясок под матчиш для всего мира, раскинувшего “павлиний хвост”, наступило кровавое похмелье – началась мировая война за передел мира, о которой Блок уже написал с печальной трезвостью и без единого восклицательного знака:

*Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.*

*В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.*

Безумство мечты и буйство грез о жизни, как о вечном празднике, закончилось.